

С 247
Н. СЛАДКОВ

Трясогузкины
письма

ДЕТГИЗ

4

~~53969~~

~~БИБЛИОТЕКА
ДЕТГИЗЛ~~

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

С 47

Н. СЛАДКОВ

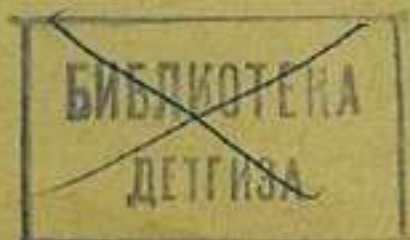
Трясогузкины письма

Рассказы

Рисунки
И. Ризнича

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1962

77

К

69685

209

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Легко и радостно читать книгу о природе. Как будто сам идёшь по лесу, а рядом с тобой умный, много знающий друг. Он всё видит, всё замечает и раскрывает перед тобой все загадки и тайны природы. Он рассказывает тебе, почему не живут стрижи в неволе; показывает едва заметную муравьиную дорожку в лесу; видит беличьи следы на снегу и сообщает тебе о клестах, которые согнали белок с деревьев.

Много узнаешь ты о природе, прочитав эту тоненькую книгу.

695638 кх ред.

Российская государственная
детская библиотека

Горисович. 20р

добр

ДЯТЕЛ

Шёл я прósекой¹. Вдруг слышу — стучит! На пути сухое дерево. Я к дереву — никого! Посмотрёл навёрх — дупло. А внизу, под деревом, свежие щёпочки.

Дятел старается!

Только старается он не на дереве, а в дереве.

На дереве козырьком гриб-трухляк. Под грибом дупло, как слуховое оконце. Ударил я каблучком по дереву — в слуховое оконце высунулась носатая голова в красной тубетейке.

¹ Прósекой; прósека — дорога в лесу.

— Здравствуй, помощник!

Люблю я дятлов. Дятлы поедают много разных вредных короёдов, нам, лесникам, помогают сохранять лес. Увидел меня дятел, испугался и улетел.

Нелегко дятлу носом своим, как топором, вырубить в сухом дереве дупло для гнезда. А тут мешают ещё!

Я больше дятлу не мешал. Но покоя ему не было: то вихрь раскачивал дерево, то косой дождь заливал дупло. А однажды забралась в дупло лупоглазая белка-летяга. Дятел кричал, прыгал у дупла, а летяга спокойно смотрела на него из оконца под грибком большими птичьими глазами. И только когда я палкой стукнул по дереву, летяга выскочила и полетела, как кленовый лист, распластавшись в воздухе.

Каждый раз, шагая по просеке, я прислушивался: стучит ли? И слышал — стучит! Стук стал совсем глухой: видно, дятел долбил уже глубоко. А под деревом

всё росла и росла кучка жёлтой посёлки. И уже теперь, когда я стучал сапогом по дереву, дятел не улетал, а только выглядывал. Тюбетейка у него была засыпана трухой.

Как-то, проходя просекой, я увидел ястреба. Он промчал над самой моей головой и вдруг закружил вокруг дерева, шаркая крыльями по коре. А по дереву, спасаясь от ястреба, заметался мой дятел. Дятел — в дупло, ястребок — хватать! И, видно, цапнул! Полетели перышки. Я выстрелил в налётчика, и он упал. А дятел выпорхнул из дупла и прицепился на соседнее дерево. Он нахотлился и спрятал клюв в перья. Белые перышки на крыле покраснели от крови. Выживет ли?

Назавтра, шагая по прósеке, я ещё издали при-
слушался.

И слышу — стучит!

На радостях я так грóхнул сапогóм по дéреву, что
оно качнулось. В окóшке под грибокóм показáлась
знакóмая носáтая головá в красной тубетейке. Рабо-
тяга весь был в древеснóй трухé. Он сердито покосил-
ся на меня одним глазом, качну́л носом — бóдто чих-
ну́л. Вídно, трухá в нóздри набíлась.

— Будь здоров! — крикнул я дятлу.

Дятел нырну́л в дуплó и застучáл опя́ть. Ему́ бы-
ло не до шуток. Он спешил закончить своё гнездó.

Бóдет у меня лéтом цéлая семья помóщников.

КАК КЛЕСТЫ ЗАСТАВИЛИ БЕЛОК ПО СНЕГУ ПРЫГАТЬ

Не очень-то любят белки по земле прыгать. Оставишь след — охотник с собакой и найдут! На деревьях куда безопаснее. Со ствола — на сучок, с сучка — на ветку. С берёзы — на сосну, с сосны — на ёлку.

Там почки погрызут, там шишки. Так и живут.

Ходит охотник с собакой по лесу, смотрит под ноги. Нет на снегу беличьих следов! А на еловых лапах следов не увидишь! На еловых лапах одни шишки да ещё клесты.

Красивые эти клесты! Самчики пурпурные, самочки жёлто-зелёные. А уж шишки шелушить великие мастера! Оторвёт клест шишку клювом, прижмёт её

лапкой и давай кривым носом чешуйки отгибать, семенá вышелушивать. Отогнёт чешуйку, отогнёт вторую и бросит шишку. Шишек много, чего их жалеть! Улетят клесты — под ёлкой целая груда шишек остаётся. Охотники называют такие шишки клестовой падалицей.

Идёт время. Клесты всё срываю́т да срываю́т с ёлок шишки. Совсем мало в лесу на ёлях шишек становится. Голодно белкам. Хочешь не хочешь, а приходится на землю спускаться да понизу ходить, клестовую падалицу из-под снега выкапывать.

Ходит белка понизу — оставляет след. По следу — собака. За собакой — охотник.

— Спасибо клестам, — говорит охотник, — спустили белку на низ!

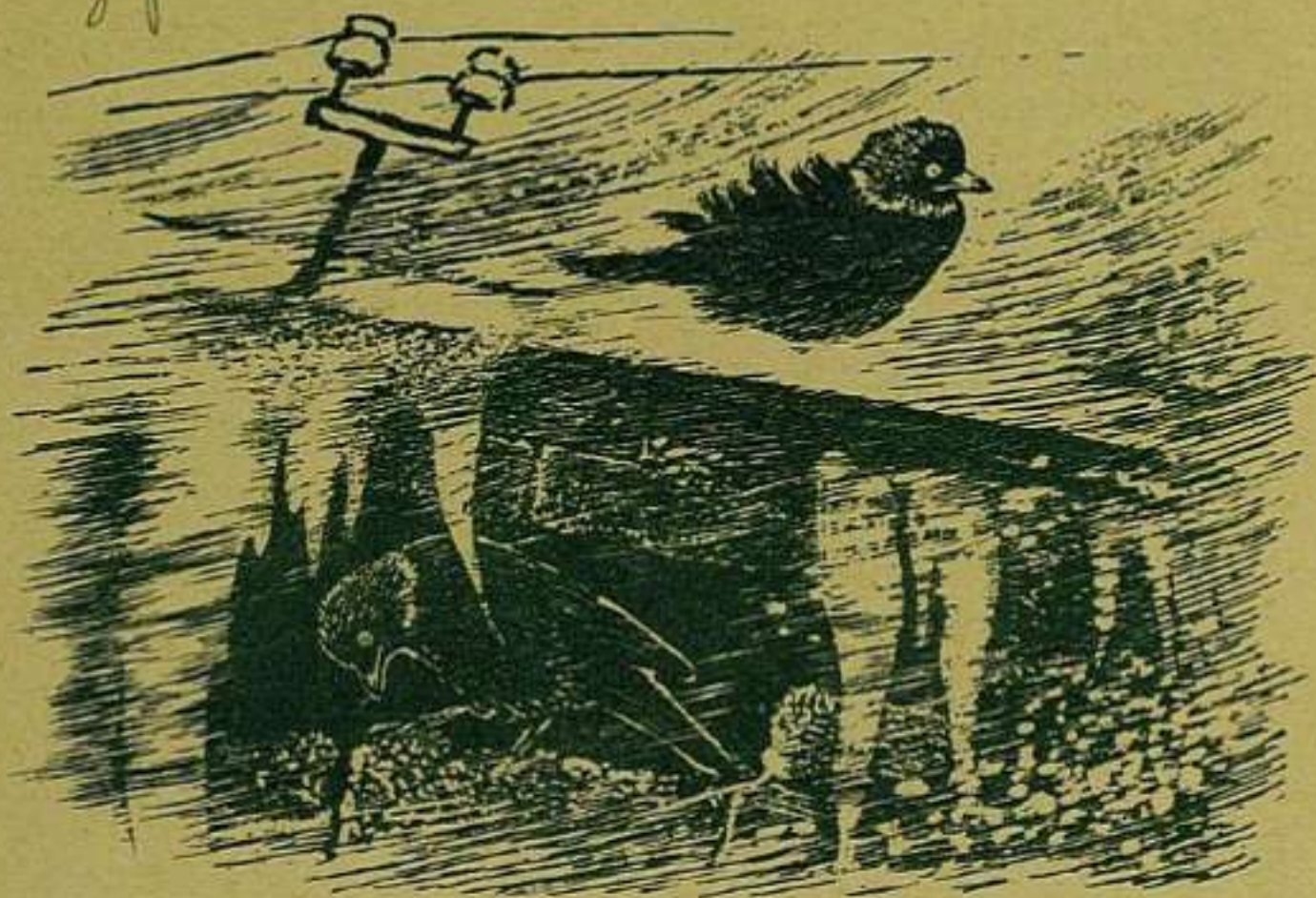
К весне из всех шишек на ёлях высыплются последние семенá. Белкам теперь одно спасение — падалица. В падалице все семенá целы. Всю голодную весну подбирают и шелушат белки клестовую падалицу. Теперь бы им клестам спасибо сказать, но белки не говорят. Не могут они забыть, как клесты заставили их зимой по снегу прыгать!

II 15p.

у олов

Зорисовка Лор 8

ВЕЖЛИВАЯ ГАЛКА

Мно́го у меня́ среди́ ди́ких птиц знако́мых. Воро́бья́ одно́го зна́ю. Он весь бе́лый — альбино́с. Его́ сразу́ отличи́шь в воро́бьиной ста́йке: все се́рые, а он бе́лый.

Соро́ку зна́ю. Эту я по наха́льству отличи́ю. Зимой, быва́ло, лю́ди за окно́ проду́кты вывешивают, так она́ сейча́с же прилетит и всё растрэ́плет.

А вот га́лку одну́ я приме́тил за её ве́жливость. Была́ метель.

Ра́нней весной́ быва́ют си́льные метели. Сне́жные ви́хри завива́ются в во́здухе, всё сверка́ет и несётся!

Ка́менные дома́ похóжи на ска́лы. Наверху́ бура́н, с крыш, как с гор, текúт сне́жные водопа́ды. Сосу́льки от вéтра расту́т в ра́зные сто́роны, как косма́тая борода́ де́да-морóза.

А над карни́зом, под кры́шей, есть укромное местéчко. Там два кирпичá из стени́ выпали. В éтом углублénии и устро́илась моё́ гáлка. Чёрная вся, то́лько на ше́йке се́рый воротничóк. Гáлка грéлась на со́лнце, да ещё и расклёвывала како́й-то ла́комый кусо́к. Ую́тное местéчко!

Если бы éтой гáлкой был я, я бы нико́му́ тако́е местéчко не уступíл!

И вдруг ви́жу — подлетáет к моё́й большо́й гáлке друго́я, помéньше и цвéтом потусклéе. Прыг-скок по карни́зу. Круть-верть хвостóм! Сéла напро́тив моё́й гáлки и смóтрит.

Вéтер её трéплет — так пéрья и зала́мывает, так бéлой крупóй и сечёт!

Моё́ гáлка кусо́к свой схвати́ла в клюв и прыг из углублénия на карни́з! Тёпленькое местéчко чужо́й уступíла!

А чужа́я гáлка хватить у моё́й кусо́к из клю́ова — и на её тёпленькое местéчко. Ла́пкой чужо́й кусо́к прижа́ла — клюёт. Вот бессóвестная!

Моё́ гáлка на карни́зе — под сне́гом, на ветру́, без еды́. Снег её сечёт, вéтер пéрья зала́мывает. А она́, ду́ра, térпит! Не выгоня́ет ма́ленькую.

«Навэ́рное, — ду́маю, — чужа́я гáлка о́чень ста́рая — вот ей мéсто и уступáют. А мо́жет, éто всем извэ́стная и все́ми уважа́емая гáлка? Или, мо́жет, она́

мáленькая, да уда́ленькая — драчу́нья?» Ничего́ я тогда́ не по́нял.

А неда́вно ви́жу — обе́е га́лки, моя́ и чужа́я, сидят себе́ рядышком на ста́рой печно́й трубе́ и у обе́их в клю́вах пру́тики.

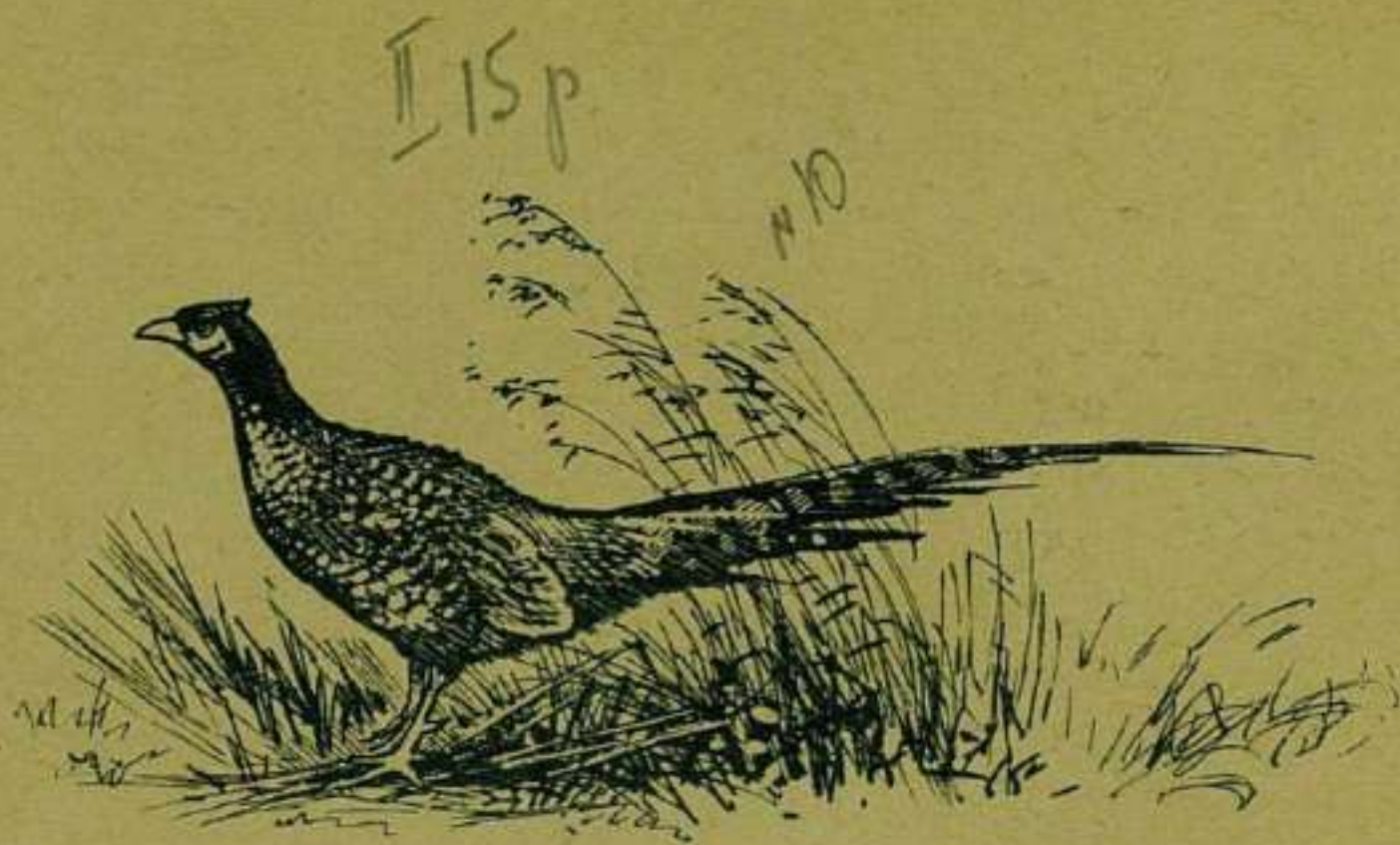
Эге́, гнездо́ стрóят! Тут уж ка́ждый поймёт.

И ма́ленькая га́лка совсе́м не ста́рая и не драчу́нья. Да и не чужа́я она́. И, уж коне́чно, не все́ми уважа́емая.

А моя́ знако́мая га́лка совсе́м не га́лка, а гал!

Но все́ равно́ мой знако́мый гал о́чень ве́жливый. Я тако́го пе́рвый раз ви́жу.

ФАЗАНИЙ БУКЕТ

Фазана я подстрелил ещё осенью. Нагнулся, чтоб взять его, и не могу: руку боюсь обжечь! Перо блестит медью, бронзой, пурпуром¹. Жар-птица да и только!

Моя дочка-первоклассница подняла фазана за крыло и говорит:

— Ой, папа, что ты надёлал!

А я уж и сам не рад.

— Фазана не оживишь, — говорю дочке, — пусть он хоть науке послужит! Давай запишем его размеры и окраску и посмотрим, чем он питается?

Зоб у фазана был туго набит насекомыми, ягода-

¹ Пурпуром; пурпур — темно-красный или ярко-красный цвет.

ми и семенами. Всё это я разложил на отдельные кучки и стал смотреть, что ест фазан осенью. Насекомых я определил быстро. Были там кузнечики, кобылки и муравьи. Ягоды тоже узнать не трудно — одна лиловая ежевика да смородина. А вот семена — беда! Попробуй-ка определи, от каких они растений?! Пришлось семена сыпать в спичечный коробок и положить в стол. Написал я на коробке: «Семена», и оставил до лучших времён. Может, найдётся специалист, определит.

Прошла зима. Только к весне вспомнил я про коробок с семенами. Открыл коробок — пусто! Спрашиваю дочку:

— Ты взяла семена?

— Это те, что в коробке, как погремушки, стучали?

— Те самые, что стучали.

— Я взяла. Я их в горшок с землёй посадила. У нас в классе сейчас все опыты делают — семена сажают.

Я подумал-подумал и не стал ругать дочку. Даже ещё и похвалил.

— Молодѣц! — говорю. — Прорастут семенá —
вырастут в твоём горшочке цветы. Вот мы и узнаем,
какие семенá клевáл фазán. Без специалíста обой-
дёмся. Послужит наш фазán науке!

Дóчка, конечно, все мои слова мимо ушей пропу-
стила, только про цветы запомнила. Наклеила на
горшочке с семенáми ярлычóк и на ярлычкѣ печáтны-
ми б́уквами написáла: «Фазáний букѣт».

Нов. 20р. №13

ТЯСОГУЗКИНЫ ПИСЬМА

У калитки в сад прибит почтовый ящик. Ящик самодельный, деревянный, с узкой щелью для писем. Почтовый ящик так долго висел на заборе, что доски его стали серыми и в них завелся древооточец¹.

Осенью залетел в сад дятел. Прицепился к ящику, стукнул носом и сразу угадал: внутри древооточина! И у моей щели, в которую опускают письма, выдолбил круглую дыру.

А весной прилетела в сад трясогузка — тоненькая

¹ Древооточец — гусеницы ночных бабочек. Гусеницы живут в лиственных деревьях и приносят им вред.

сѣренькая птѣчка с дѣнным хвѣстиком. Она вспорхнула на почтѣвый ящик, заглянула одним глазком в дыру, пробѣтую дятлом, и облюбовала ящик под гнездо.

Трясогѣзку эту мы прозвали почтальоном. Не потому, что она поселилась в почтѣвом ящике, а потому, что она, как настоящій почтальон, стала приносить и опускать в ящик разные бумажки.

Когда же приходил настоящій почтальон и опускал в ящик письмо, перепуганная трясогѣзка вылетала из ящика и долго бегала по крыше, тревожно попискивая и качая дѣнным хвѣстиком. И мы уже знали: тревожится птѣчка — значит, есть нам письмо.

Скоро вывела наша почтальонша птенцов. Тревог и забот у нее — на целый день: и кормить птенцов надо, и от врагов защищать. Стоило теперь почтальону только показаться на улице, как трясогѣзка уже летела ему навстрѣчу, порхала у самой головы и тревожно пищала. Птѣчка хорошо узнавала его среди других людей.

Услы́хав отча́янный писк трясогу́зки, мы выбега́ли навстрéчу почта́льону и бра́ли у него́ газéты и пи́сьма: мы не хоте́ли, что́бы он трево́жил пти́чку.

Птенцы́ бы́стро росли́. Са́мые лóвкие ста́ли уже́ выглядывать из щéли ящика, крутя́ носáми и жму́рясь от со́лнца. И одна́жды вся весёлая семе́йка улетéла на ширóкие, зáлитые со́лнцем речны́е óтмели.

А когда́ пришлá óсень, в сад опя́ть прилетéл бродя́га-дятел. Он прицепи́лся к почтóвому ящичу́ и нóсом сво́йм, как долотóм, так раздолби́л дырú, что в неё мóжно бы́ло просóвывать ру́ку.

Я просúнул ру́ку в ящик и вы́нул из ящича́ все трясогу́зкины пи́сьма. Бы́ли там сухи́е травинки, обрывки газéт, клочки́ вáты, во́лосы, фáнтики от конфéт, стру́жки.

Зá зиму ящик совсём одряхлéл; для пи́сем он уже́ не годи́лся. Но мы его́ не выбра́сываем: ждём возвращéния сéренького почта́льона. Ждём, когда́ он опúстит в наш ящик своё пёрвое весéнное письмó.

695658

Российская государственная
детская библиотека

2 тряс. пис.

~~БИБЛИОТЕКА
ДЕТСКАЯ~~

СТРИЖИНАЯ ТАЙНА

Помните сказку про Гейнца? Гейнец был такой лентяй, что даже после сна отдыхал. И, главное, ничего ему от его лентяйства плохого не делалось.

«Наверно, от лентяйства худа не бывает!» — решил я.

А вышло, — бывает!

Я очень люблю птиц — всё с ними вожусь. Клеток у меня полон дом. И в клетках не какие-нибудь там чижики, снегирь или чечётки. Чижики-снегирики — дошкольная ступень для любителя птиц. Их любой мальчуган сумеет держать.

У меня живёт самые нежные наши птички — корольки, крапивники, синички длиннохвостые. Если таких сумеешь выдержать — значит, ты птицелов высшего класса!

Таким меня все и считали. И был мне от всех любителей почёт и уважение. При встрече, бывало, шапки снимали и пальцем в спину показывали: «Вон пошёл знаток!»

Но вдруг приходит ко мне незнакомый человек. Осмотрел моих птиц и усмехнулся:

— Корольки да крапивники — не предел. Самый высший класс — это стриж! — и ушёл.

Это был вызов. Назавтра же я поймал стрижа. Ловить их просто. Они жили в моём же доме, под карнизом.

Стриж ничего не ел и не пил. неподвижно лежал на дне клетки. Пришлось выпустить.

Поймал второго. Эту я поймал насильно. Поймал точно в те часы, когда вольные стрижи летали на озеро и с лёту, заломив над спинкой острые крылышки,

хватали клювиками воду. Кормил я стрижа тоже насильно. Кормил такими же комариками-мушками, каких нашёл у него во рту, когда поймал. Стрижи несут в гнёздó не по одному комарику, а собирают их во рту целый комóчек.

И клетку со стрижом я поставил на крышу, на свежий воздух. И пещёрку ему с гнёздóм для ночлёга устроил. Всё как у вольных стрижей!

Стриж ел, пил, беспокойно лазал по сетке и к утру так ослабел, что пришлось выпустить.

Посадил я тогда в клетку сразу двух. Может, они, как и мой королек и длиннохвостик, не могут по одному жить?

Через день пришлось выпустить. Оба чуть живы были.

Я люблю птиц. И хоть горько мне было, но стрижей в клетку больше сажать я не мог. Решил на вольных стрижах разгадать их тайну. Привязал стрижу на лапку бумажную ленточку и выпустил. А сам взял бинокль, вылез на крышу и стал следить.

Стриж вылетел на охоту на зорьке. Долетел до колокольни, потом до заводской трубы, потом к озеру. И назад — птенцов кормить. От гнёзда до колокольни, от колокольни до трубы, от трубы до озера и назад — пять километров. До самого заката охотился стриж. И вышло, что за день налетал он больше полтысячи километров! И так ведь каждый день!

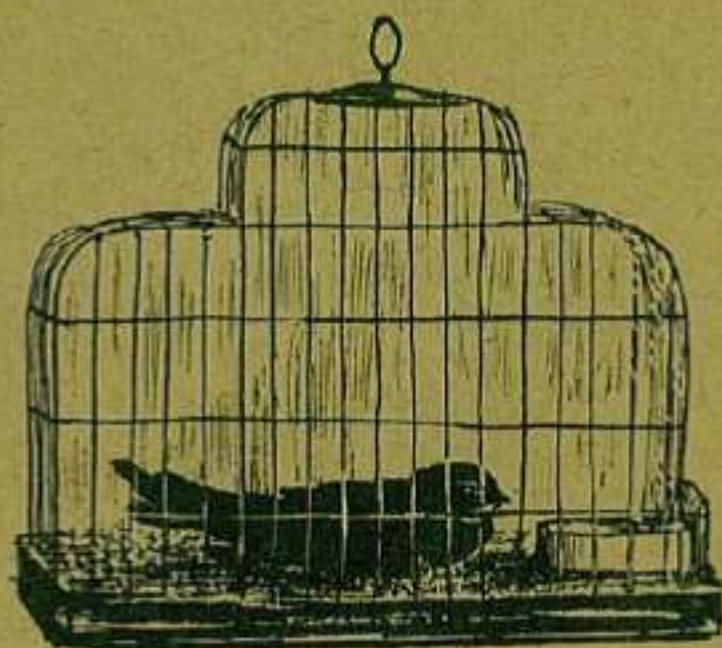
Понял я, что даже мне, старому птицелову, не выдержать стрижа в клетке. А вам, ребята, и подавно!

Все знають, що можна и лóшадь загну́ть. Да́же за́йца можна загну́ть, ёсли гоня́ть его́ без пере́рива. Упадёт, ла́пками подры́гаєт — и гото́в! Вот

и у стрижа похоже. Только наоборот. Сердце его, лёгкие, мускулы — всё приспособлено для большого полёта. И вдруг — нельзя! Вдруг — клетка! И стриж слабеет и гибнет от... отдыха.

Ну как тут не вспомнить про ленивого Гейнца? Знал бы он про стрижей, побоялся бы после сна отдыхать!

20p II

20

ВЕСЁЛАЯ ИГРА

Притащи́ла лиса́ лися́там мышёй на о́бед. А лися́та — сы́ты, дава́й с мыша́ми игра́ть. Дво́е одну́ мышь схвати́ли — тя́нут-потя́нут. А оди́н срáзу трёх в пасть забра́л — хап! То́лько хвосты́шки вися́т.

Игра́ли, пока́ надо́ело. Тогда́ мышёй бро́сили — в но́ру залёзли. Легли́ у вы́хода, мо́рдочки на перёд-ние ла́пки положи́ли — смóтрят из тёмной но́ры на свётлый мир. И ви́дят — прилетёли к но́ре му́хи. Закружи́ли, зажужжа́ли. За му́хами — пти́чка трясогу́зка. То́ненькая така́я, се́ренькая. Хво́стиком кача́ет и но́жками семенит. Пробежи́т и останóвится,

II 15p

пробежит и остановится. А остановится — и закачает хвостиком, будто дразнит.

Съежились лисята. Трясогúзка вправо — и лисьи глаза вправо, трясогúзка влево — глаза влево. Так и перека́тываются.

Лисята как выскочат! Чуть-чуть птичку не поймали.

Опять в норú забились — караúлят.

Опять слетелись мухи. За мухами — трясогúзка. У самой норы хвостиком дразнит.

Лисята как выскочат — чуть не поймали!

Тут уж и не поймешь: игра́ это или охота?

Вот в который раз выскочили и опять зря. Сбились в кúчку. А сверху, с синего неба, нависла тень, закрыла солнце.

Кинулись лисята разом в норú, еле протиснулись. Это орёл их припугнул.

Видно, ещё молодой орёл. Тоже, наверно, играл. Ведь у зверят да у птиц все игры в охоту: Только игрушки разные. У одних — мыши, у других — лисята.

Играй, да поглядывай!

А удобная это игрушка — мышь. Хочешь в охоту с ней играй, хочешь — в прятки. А надоело — хап! — и съел.

20 р II.

№ 22

НА НЕВЕДОМОЙ¹ ДОРОЖКЕ

Разными трóпами достáлось мне ходить: медвѣжьими, кабáньими, вóлчьими. Ходил и зáячьими тропинками и дáже птíчьими. Но такой тропинкой шёл впервые. Тропинку эту расчистили и протоптали муравьи.

На звериных трóпах разгáдывал я звериные тайны. Чтó-то увижу на этой тропе?

Шёл я не по сáмой тропинке, а рядом. Уж бóльно узкá тропинка — как лéнточка. Но для муравьёв-то она была, конéчно, не лéнточка, а ширóкое шоссе.

¹ Невéдомая — неизвéстная, непонятная.

И муравьёв бежало по шоссе много-много. Тащили мух, комаров, слепней. Прозрачные крылышки насекомых блестели. Казалось, что между травинок по склону льётся струйка воды.

Я идё по муравьиной тропе и считаю шаги: шестьдесят три, шестьдесят четыре, шестьдесят пять шагов... Ого! Это моих больших, а сколько же муравьиных?! Только на семидесятом шагу струйка пропала под камнем. Серьёзная тропа.

Я присел на камень — отдохнуть. Сижу смотрю, как бьётся под ногами живая жилка. Дунет ветер — рябь по живому ручейку. Проглянет солнце — засверкает ручеёк.

Вдруг будто волна хлынула по муравьиной дороге. Змейка по ней вильнула и — нырк! — под камень, на котором я сидел. Я даже ногу отдернул, — наверно, это вредная гадючка. Ну и поделом — сейчас муравьи её обезвредят.

Я знал, что муравьи смело нападают на змей. Облепят змею — и останутся от неё одни чешуйки да косточки. Я даже задумал скелет этой змейки забрать и ребятам показать.

Сижу, жду. Под ногами бьётся и бьётся живая ручеёк. Ну, теперь порá! Осторожно приподнимаю камень — не повредить бы змеиный скелет. Под камнем — змея. Но не мёртвая, а живая и вóвсе не похожая на скелет! Наоборот, она стала ещё толще! Змейка, которую должны были съесть муравьи, спокойно и не торопясь сама ёла муравьёв. Она прижимала их мордочкой и втягивала языком в рот.

Змѣйка эта была не гадючка. Таких змей я ещё никогда не видел. Чешуйка, как наждак, мелкая, сверху и снизу одинаковая. Больше на червяка похожа, чем на змею.

Удивительная змѣйка: приподняла тупой хвост вверх, повела им из стороны в сторону, как головой, да вдруг и поползла хвостом вперёд! А глаз не видно. Не то змея с двумя головами, не то вовсе без головы! А питается-то чем — муравьями!

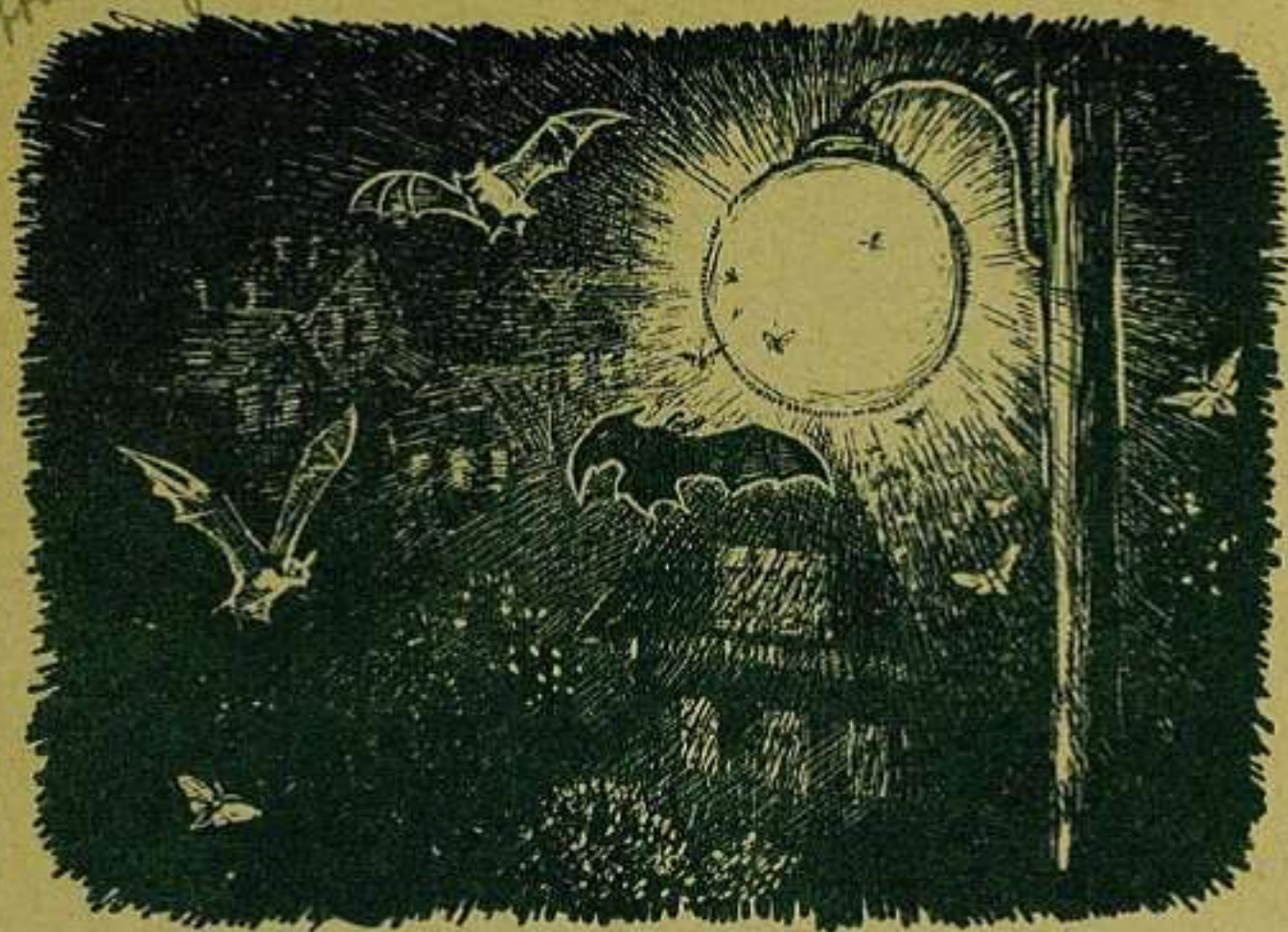
Не вышел скелет, так я змѣйку забрал. Дома подробно её разглядел и определил название. Глаза у неё нашёл: маленькие, с булавочную головку, под чешуйками. Потому-то и называют её — слепозмѣйка. Живёт она в норах под землёй. Там ей глаза и не нужны. А вот ползать то головой, то хвостом вперёд — удобно. И землю она рыть может.

Вот к какому невиданному зверю привела меня невѣдомая дорожка.

Да что говорить! Каждая дорожка куда-то ведёт. Только идти не ленись.

Маленький городок

и 25

ВЕСЁЛЫЙ ГОРОДОК

Это был совсем юный городок. Его строили в южном лесу. Строили, как воевали: городок наступал на лес, лес — на городок.

По вечерам вокруг фонарей крутилось белое облачко ночных бабочек и мелькали чёрные летучие мыши. Щелчок, хруст — и вниз падают, сверкая, узорные бабочкины крылья.

А когда поднималась луна, из зарослей выходили шакалы. Их крики — вой, стоны, охи и ахи — были слышны в каждом домике. Все городские собаки в ответ поднимали громкий лай.

Днём посреди шоссе вдруг рассаживались молодые длинноногие цапли — и шофёры осторожно объезжали их, гудя, как на перекрёстке. Объезжали шофёры и черепах, которые медленно ковыляли по улицам, нарушая движение.

В комнаты заползали змеи. Скорпионов находили по утрам в сапогах и под подушками.

Лес не сдавался.

Но городок наступал. Он рос вверх и раздавался вширь. В городке строили магазины, школу, работало кино. Правда, при входе в кино на перекладине буквы «Н» всегда сидела сова. Щурила глазщи от яркого света и глядела на людей сверху вниз. Подкинешь шапку — возмущённо всплеснёт крыльями.

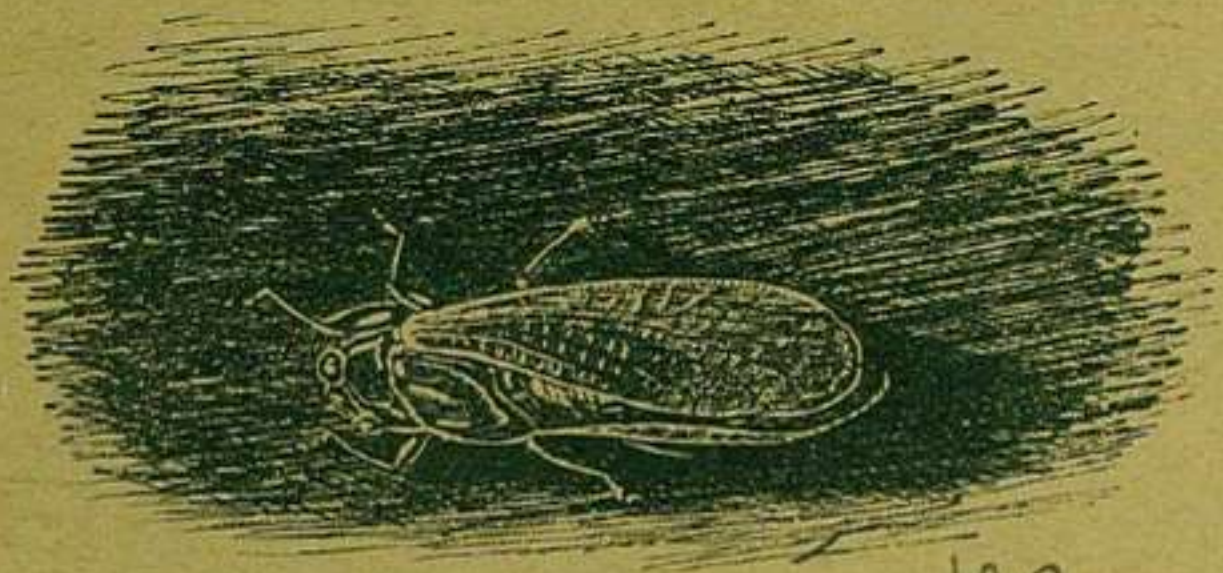
При входе сова, а внутри...

Начался какой-то сеанс. Погасили свет. С экрана грянула музыка и песня. И вдруг, заглушая музыку, песню, шум в зале, затрещала цикада! Цикада — это большая муха с жёсткими «поющими» крыльями. Крыльями этими она трёт о щётки на теле — и трещит по ночам на весь лес.

Зрители зашикали, зашумели. А другие засмеялись и захлопали в ладоши. Сеанс прервали. Включили свет. Цикада смолкла.

Но, как только свет погасили, цикада затрещала опять. Затрещала, запела свою вечернюю песенку, которую поёт она всегда в темноте. Раньше, в лесу, эта песня никому не мешала.

А в кино она мешает всем.

Ничего не слышно. Один треск. Даже выстрелов экранных не слышать!

Опять зажгли свет. Длинными шестами с веником на конце стали шарить по потолку и углам. Цикада смолкла.

Погасили свет, пустили фильм, — запела опять! Зрители затопали ногами, засвистели, задвигали стульями. Цикада затрещала изо всех сил — во все крылья. Она не привыкла, чтобы по ночам кто-то шумел громче её.

Зажгли свет. Вышел директор и беспомощно развёл руками. Зрители стали расходиться.

Вышли и мы. Совá с перекладинки буквы «Н» пересела на букву «О». Из «О» получилась восьмёрка.

У кино ребяташки. У каждого в кулаке тоже зажата цикада. Ребята трясут над головой кулаками, — цикады и в кулаках трещат весело и звонко, как погремушки.

Губы у ребят до ушей замазаны жёлтой цветоч-

ной пыльцой. В руках букеты цветов, но сорванцы их не нюхают, а едят. Это съедобные цветы. Растут эти цветы на ничейной земле между городком и лесом.

Идёт весёлая война. Лес наступает на городок, городок — на лес.

РАСКЛАДНОЕ ЯЙЦО

В лётные каникулы приехал я как-то со своим дружкойм Пётей в деревню.

Пошли мы на озеро. С горы озеро было похоже на огромное яйцо. Захотелось нам на него вблизи посмотреть. Но, пока спускались, озеро изменило цвет. То вдруг стало зелёным, к вечеру — жёлтым, а на самой вечерней зорьке — красным. Будто это было не простое яйцо, а ещё и раскладное: в синем лежало зелёное, в зелёном — жёлтое, а в жёлтом — красное.

— Вот здорово! — радовался я.

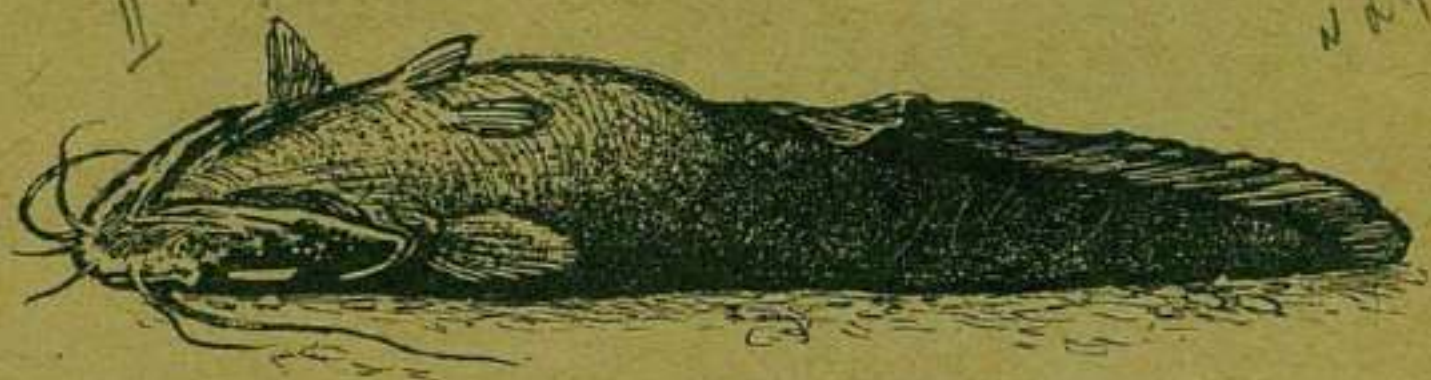
Но Пётка сердился и торопился. Уж очень он проголодался.

— Таким яйцом сыт не будешь, — бурчал он.

К озеру мы спустились уже в темноте. Закинули

в чёрное озеро удочки-дóнки. Крючки наживили больш́ими лягу́шками: уж поймáть, так чтоб на двоих хват́ило!

Нóчью крючóк с лягу́шкой схват́ил сом. Да здоро-
вénный! Заму́чились мы с ним. Пока вы́тащили,

сóлнце поднялóсь. Совсём мы отощáли. А сом́ина
ж́ирный, чёрный, блест́ит. И с усáми.

— Это, брат, тебе не раскладнóе яйцó, — дразнит
Пётъка.

— Подожд́и, — говор́ю, — дай посмотри́ть.

Чёрный сом, а бр́юхо у него́ свётлое. И такóе
бр́юхо тóлстое да ж́ирное; так и хóчется по этóму

мягкому бр́юху ладóнью шлѐпнуть. Я шлѐпнул и
чу́вствую — есть чтó-то в бр́юхе.

Разрѐзали мы чёрного сомá, а в нём кор́ичневый

налім. И то́же хоро́ш — с ло́коть ¹. Све́жий совсе́м, неда́вно, ви́дно, попáлся. На́лім весь в му́тных пя́т-
нах, а брjúхо, как у сома́, све́тлое и то́же разду́то. Разре́зали на́ліму брjúхо. В брjúхе у на́ліма у́ж. Ужи́шко не о́чень большо́й, с каранда́ш. Се́рый, с

5р II W32

ора́нжевыми пя́тнышками на заты́лке. А посре́дине бу́дто узело́к — то́же кого́-то проглоти́л. Разре́зали — ры́бка, краснопе́рка золотáя, плавни́чки кра́сные.

10р II

У краснопе́рки в желу́дке мошкара́ разна́я, кузнéчик. У кузнéчика то́же в желу́дке что́-то есть, не разо-
бра́ть то́лько.

W32

— А яйцо́-то все́-таки раскла́днóе! — кричу́ я. — В о́зере — сом, в соме́ — на́лім, в на́ліме — у́ж, в у́же — ры́бка, в ры́бке — кузнéчик, в кузнéчике — трава́. А сейча́с мы съеди́м сома́ и...

¹ С ло́коть; ло́коть — старíнная ме́ра дли́ны о́коло полме́тра.

— Чур! — закричал Пётка. — Я не раскладной!
Сложил он на лопушок налима, ужа, плотву, куз-
нечика и всё это выбросил назад, в озеро.
А сомá — съели.

Дар-Формосовия.

W 34

ДАРМОЕД

Ягоду — за щеку, грибок — в кузовок. От ягоды — к грибку, от грибка — к ягоде, и забрёл. Лес вокруг тёмный. Деревья переговариваются по-своему: ели — эле-эле, осинки — вполшёпота. Жарко. Кузова плечо оттянули.

Глядь — яма с водо́й. Лесна́я, чёрная. Посреди́ — две кувшинки золотые, как совиные глаза́. Так и смóтрят. Заглядéлся я в чёрную во́ду. А позади́ кто́-то и скажи́ звери́ным го́лосом: мам! Я так и отшатну́лся! Медвёдь! Стои́т и смóтрит.

Я с перепугу на него грибным кузовком замахнулся — стоит. Я ягодным — смотрит. Потом глянул как-то боком и опять сказал: мам-м! И хоть опять я его не понял, но кузовка бросил и побежал.

До ямы полдня брёл, а от неё домой за полчаса отмахал. Да неделю в лес и носа не казал. Вкус грибной и ягодный забыл.

А потом думаю: волков да медведей бояться — в лес не ходить. Пошёл.

От грибка — к ягоде, от ягоды — к грибку, и опять забрёл.

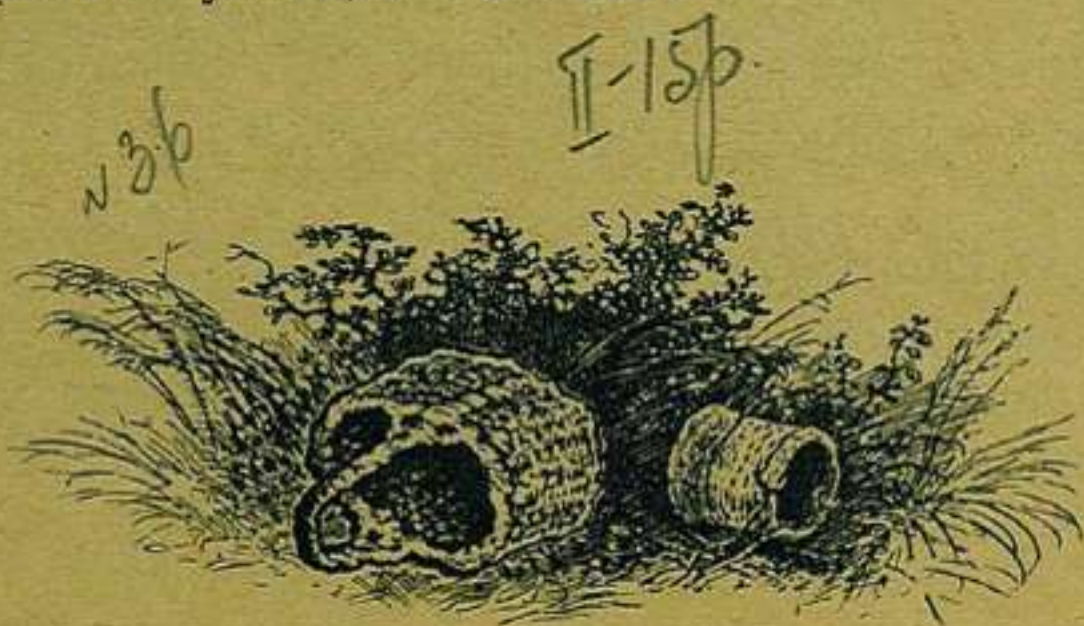
Слышу: эли переговариваются эле-эле, осинки — вполшёпота. Вижу — яма чёрная с совиными глазами. А вон и кузовки мои — грибной и ягодный. Пустые кузовки — медведь всё слопал. От ягод пожёвки, от грибов отгрызки.

Тут-то мне и стук в голову: а уж не нарочно ли тогда мишка пугнул меня? Он ведь тоже заядлый грибник да ягодник. Что ему стоит: пугнул — и два кузовка! А то собирай по крохам. А я, дурень, кузовками полными у его носа размахивал — аппетит дразнил.

Так, наверно, и есть. Не меня ж в самом деле медведь есть собрался.

Но это, конечно, так думаю я. А что медведь думал, — не знаю.

Он ведь, помню, и говорил мне тогда что-то, да я разобрать не успел, вот досада!

КАБАНИЙ СНЕГОВИК

Повáдились по ночáм на огорóд кабанý. Клыкáми, как лемехáми, рылом, как плýгом, пáшут. Хрустит на кабаньих зубáх моя картóшка, моркóвка да репа.

Бýло бы ружьё — другóе бы дéло. Но ружья у меня нé было.

Решил караулить по ночáм, жечь костёр. Кабанý нóчью вýснули рыла из кустóв — костёр! Перехрюкнулись — и наза́д. В́дно, тóже реши́ли что́-то.

Я по огорóду хожу́, кричу́ — кабанý в куста́х сто-

ят, молчат. Я к костру — кабань на огоро́д. Я сижу́, отды́хаю — кабань рабо́тают, ро́ют.

Прове́л я тогда́ от ручейка́ во́ду, смастери́л ме́льницу-колоту́шку. Вода́ колёса кру́тит, на колесе́ молотóчки. Молотóчки по желе́зному листу́: звяк! звяк! Всю ночь: звяк! звяк! звяк! И днём: звяк! звяк! звяк! И до того́ мне э́та колоту́шка осточерте́ла, что я да́же обра́довался, когда́ кабань её скovyрну́ли.

Надо́ ружье́ покупа́ть — друго́е бу́дет де́ло.

И купи́л бы, да вдруг в ночь вы́пал снег. Завали́ло — ни пройти́, ни прое́хать.

Мне бы гoревáть — огоро́д завали́ло, а я ра́дуюсь — от кабанов прокля́тых изба́вился! Не полёзут же о́ни под снег?

А о́ни полёзли!

На зóрьке ви́жу — иду́т! Затёяли что́-то! Ка́ждый впе́редí себя́ сне́жный ком ка́тит. На ком снег нали́пает — растёт ком.

Сви́стнул, подня́лись из-за сне́жных ко́мьев че́рные сви́ные ры́ла, жу́ют. Уши-лопу́хи, под гла́зами — гра́нёные клы́ки. Посмотрели́ — и о́пять ры́ла в снег. Горба́ми ко́мья покати́ли.

Ря́вкнул я — кабань к ле́су. Оста́лись на огоро́де о́дни снего́вые бочо́нки. Не доле́пили кабань снего́вую ба́бу!

Взял я тогда́ три са́мых бо́льших бочо́нка, поста́вил о́дин на друго́й. Гото́во ту́ловище! Свёрху ком по́меньше — голова́. Глаза́ и рот — из карто́шки. И морко́вку воткну́л — нос. В ру́ки — по сухо́му цветку́ подсо́лнуха. Гото́в каба́ний снего́вик!

Кабанов — как не бывало! И пяточка из кустов не кажут. Каждое утро проверяю: ходили кругом, снег рыли, а на огород — ни копытом. Стоит посреди огорода чучело, глазщи-картошки вытаращило, ручки с подсолнухами растопырило.

Сами себя кабаны напугали и от огорода отучили. А тут, спасибо, снег стоял. Вырыл я и картошку, и морковку, и свеклу.

Снеговик тоже растаял. Пусть. Он мне больше и не нужен.

БЕСПОНЯТЫЙ ВОЛК

Ехали ночью в машине по зимней лесной дороге я и шофёр. По бокам — чёрной стеной ночь, вперёд — прямая дорога, освещённая фарами автомобиля. Прямая, яркая, как луч прожектора.

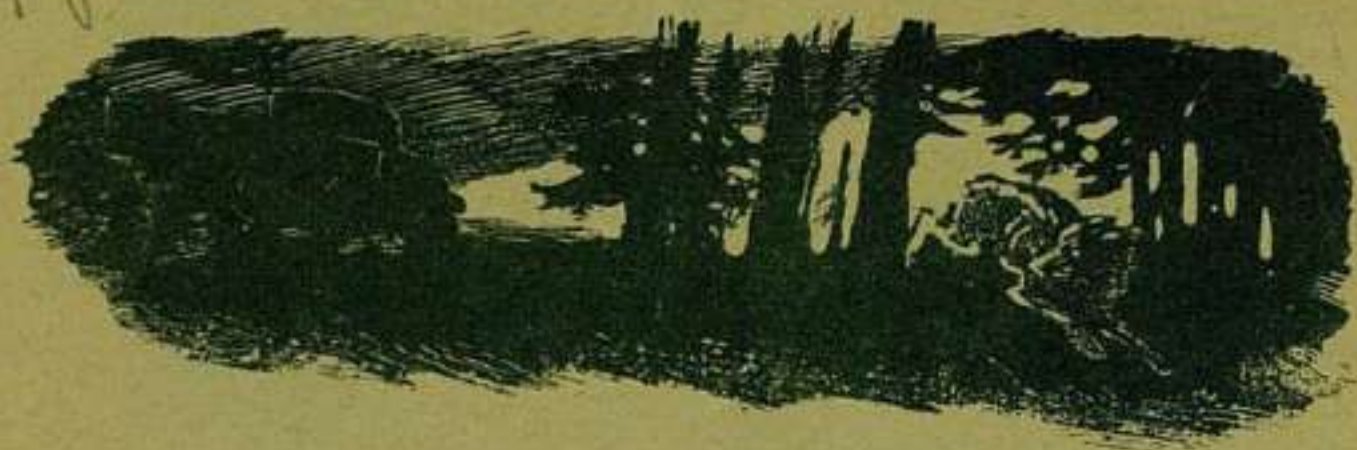
Дремлю рядом с дружком-шофёром — укачало.

Вдруг дружок толк меня локтем в бок: волк!

Я так и подскочил! Вперёд, на дороге, стоит волк. Голову поднял, уши торчком, хвост поджат. И будто растёт — так быстро мы к нему приближаемся.

Рванулся волк, повернулся и поскакал. Смешно:

1-15p

140

волк от нас не удаляется, не приближается — будто на одном месте подскакивает!

— Жми на газ, — зашептал я, толкая шофера.

Машина взвыла — волк стал расти. Но сейчас же лапы волка замелькали быстрее; он перестал расти и опять запрыгал на месте.

— Жми! — заорал я. — Жми, догоним!

Машина рванулась. Стрелка спидометра¹ прыгнула и задрожала на цифре «60».

Волк опять стал расти. Из-под его задних лап полетели комья снега. Вот комья стали бить в радиатор. Вот из-за радиатора видна только одна волчья башка с прижатыми ушами. И тут, когда казалось, что зверь наш, волк на бегу стал сворачивать с дороги. Уйдет, серый бандит!

— Стой! Стой! — заорал я во всё горло.

Заорал и сунулся лбом в стекло. Потому сунулся, что шофер надавил на тормоз и машина резко затормозила. Волк скрылся в темноте.

¹ Спидометра; спидометр — прибор, который указывает скорость движения автомобиля.

— Что ты надéлал? — набрósился я на дрúга. —
Вóлка упустили!

— Ты же сам заорáл «стой»! — вытаращил на ме-
ня глазá шофёр.

— Так то я вóлку кричáл! — метáлся я. — Пони-
мáешь? Вóл-ку!

— Я-то понимáю, — огрызну́лся товáрищ, — а вот
тóлько волк — как?

Нéчего дéлать. Поéхали дáльше. До сáмого дóма
смотрéли в рáзные стóроны.

ХИТРУЩИЙ ЗАЙЧИШКА

В жизни не видал такого хитрого зайца!

Да и то сказать: не будь он так хитёр, давно бы попал орлу в когти или кому-нибудь из хищных зверей в зубы. Лисиц, волков, рысей здесь множество, и они переловили всех зайцев на этом склоне горы. Остался один — Рваные Ушки.

Уши нарвал ему беркут — горный орёл — за неосторожность. С тех пор зайчишка и стал таким умным.

Беркут был молодой, неопытный. Старый орёл падает прямо на спину зайцу и ломает ему хребет. Молодой догонял зайчишку — и промахнулся.

Вцепился когтями в длинные заячьи уши. Заяц на бегу вырвал свои уши из страшных орлиных когтей — и шмыг под камни.

Эти камни на склоне лежали грядой, образуя собой как бы длинную трубу или нору: зайчишке под ней есть где пролезть, а лисе или орлу — никак.

Беркут сел перед входом, сунул в нору шею, а крылья его не пускают. Пришлось отказаться от добычи. Улетел другого зайца ловить, поглупее.

Зайцы не устраивают себе постоянных логовищ, как кролики. Кормятся они ночью.

Начнёт светать — заяц поскачет. след свой запетляет, запутает, махнёт с него в сторону и ляжет на весь день где-нибудь под камнем или кустиком.

Да не спасли эти хитрости, давно известные всем любителям зайчатины, других зайцев на этом открытом, безлесном склоне горы. Уцелел, говорю, один этот хитрущий зайчишка.

А почему уцелел? Потому что, вопреки всем заячьим обычаям, избрал себе постоянным логовом вот эту самую гряду камней, которая спасла его уже однажды от молодого беркута.

Не раз с тех пор охотились за ним и старые, опытные беркуты.

Но зайчишка не уходил далеко от своих камней. Нырк! — и спрятался под ними.

Пробовали ловить его и волки. Да куда им, таким здоровым-то, подлезть под камни. В кровь себе горбину стёрли, а пришлось отступить.

Пробовала ловить его и страшная рысь — боль-

248

Новый 20р

ш́ая пятни́стая ко́шка с ма́ленькой голово́й и дли́нным, ги́бким, как у зме́й, те́лом. Во все ды́ры ме́жду ка́мнями сова́ла свой чу́тьи́стый нос. Всю́ду под ка́мнями вку́сно па́хло зайча́тиной, но ни раздв́инуть ка́мни, ни проскользну́ть ме́жду ни́ми она́ не могла́.

На беду́ за́ячью, жи́ли на той горе́, как уже́ сказа́но, и лиси́цы.

Уж лиси́цы-то — са́мые хи́трые зве́ри и за́йцев лови́ть — вели́кие масте́ра.

Зиму́ зайчи́шка Рва́ные Ушки пере́зимова́л у себя́ в ка́мнях благополучно́.

А весно́й, как ста́ял снег, увида́ли его́ лиси́цы: лис и лиска. Они́ в э́ту по́ру го́да дру́жно живу́т, дете́й выво́дят. Ну и, коне́чно, взяли́сь за него́ вдвоём.

Зайчи́шка лежа́л на скло́не — пу́зечко на со́лнце

грел. А сам по сторонам косился: грозит ли откуда опасность?

Лис к нему ну подкрадываться на согнутых лапках. Да не тут-то было!

Заметил зайчишка, вскочил... Лис за ним как кинется!

А Рваные Ушки прыг, скок — и дома.

Лис стал у входа в зайчишкину норку и ждёт.

Рваные Ушки так делал: уйдёт тот, кто его ловит, он подождёт немножко и выйдет наружу. Тут-то лис его и хотел схватить.

Но Рваные Ушки так испугался лиса, что пробежал всю длинную трубу, всю свою норку под камнями и выскочил с другой стороны каменной гряды. Так он не раз спасался от волков и рыси. Для них

хороша́ была́ э́та хитро́сть, а вот для лиси́ц — не о́чень-то!

Лис то́лько ещё на́чал подкра́дываться к зайчи́шке, а ли́ска уже́ со всех ног бежа́ла к друго́му концу́ ка́менной гряды́. Прибежа́ла и стои́т у вы́хода из норы́, кара́улит.

Зайчи́шке с его́ уми́шком где же про тако́е догада́ться! Он и вы́скочил из норы́ пра́мо на ли́ску!

Ли́ска в э́то вре́мя уже́ обли́зывалась: мечта́ла, как сейча́с сла́дкой зайча́тинкой пола́комится.

И хорошо́, что обли́зывалась: не успе́ла она́ язы́к убра́ть, зайчи́шка верть — нале́во круго́м и нырк! — наза́д в нору́.

Тя́вкнула ли́ска с доса́ды, а ниче́го не поде́лаешь: сама́ виновáта. Оста́ется тепе́рь обо́им охотникам — ли́су и ли́ске — спрýтаться и терпе́ливо дожди́даться, когда́ зайчи́шка с той и́ли друго́й сторо́ны ка́менной гряды́ вы́скочит. Пра́вильную оса́ду держа́ть.

Вот и сидя́т лиси́цы: лис — у вхо́да, ли́ска — у вы́хода, ждут.

А зайчи́шка Рва́ные Ушки, не будь глуп, взял да вы́сунул го́лову из ды́рки ме́жду камня́ми посере́дине гряды́. Погляде́л в одну́ сто́рону — там ли́ска за кусто́м сиди́т, кара́улит.

Ви́дят и лиси́цы: вы́сунутся вдруг посре́ди гряды́ дли́нные за́ячьи у́ши с че́рным пя́тнышком на конце́, кру́тнёт и́ми за́яц в одну́ сто́рону, кру́тнёт в друго́ю — и о́пять у́ши спрýчутся.

По́няли: на́до снима́ть оса́ду. Ви́дно, там у зай-

чишки между камнями трава растёт. Закусывает он
ею. Его и избором не возьмёшь.

И ушли лисицы восвойси¹.

Вот до чего хитрущий зайчишка: двух лисиц про-
вёл и цел остался!

¹ Восвойси — ушли к себе домой.

КЛЮЧИК

Помню, собрался я в горы за травой. Оседлал коня, привязал к седлу косу, вилы и грабли. А чтобы удобнее и легче было, взял я косу, вилы и грабли без рукояток. Не очень-то ладно цепляться на узкой тропе длинными рукоятками за деревья.

«На месте вырублю», — решил я.

Шёл я сквозь лес долго, поднялся высоко. Лес — густой. Еле нашёл в лесу полянку. Трав на полян-

ке не густо. Но косить можно. Расседлал я коня, покурил. Тут же и рукоятки вырубил — ровные такие жердинки¹. Чтоб руки не скользили, кору с жердинок снимать не стал — только сучки обрубил. Насадил на жердинки косу, вилы и грабли. Закрепил гвоздями. Готов инструмент. Можно за дело.

Весь день косил, сушил, переворачивал и копил. Солнце жгучее — к вечеру всё высохло. Связал я два большущих тюка сена — и на выюк. Сверху ещё кувшин из-под воды, куртку, сапоги. Не выюк, а целый воз вышел. Косу да вилы девать некуда — хоть на себе тащи! А куда там на себе, спину за день наломал — гудит. Взял я и воткнул косу, вилы и грабли рукоятками в землю посреди поляны, чтоб издали видно было. Всё равно на будущее лето сюда за травой подниматься. И кнут свой в землю воткнул — к дому да под гору конь и без кнута ходко пойдёт.

Но на будущее лето подняться на полянку не пришлось. Собрался я на неё только через два года.

Вот, помню, поворот тропы, а повыше и полянке быть бы. Смотрю: по месту — она, а не узнаю. Тогда на поляне травы чуть было. А сейчас трава выше плеч, да сочная, густая. Цветы яркие, ровные. Птицы — на все голоса! Зайчики солнечные скачут. И гуд над поляной от пчёл, и мёдом пахнет. Чудеса!

Посреди полянки — три деревца густых. Листья на ветру, как солнечная рябь на воде. Пригляделся я и ахнул: так это же мой инструмент пророс! Коса,

¹ Жердинки — очищенные от веток тонкие деревца.

грабли и вилы! Вот они — железные кольца в стволы врезались. Под деревцами куст. Это мой кнут разросся. Только по ремню и узнать можно — до сих пор висит.

Сел я под ремённый куст, приглядываюсь. Вижу — земля сырая кругом, а тогда, два года назад, совсем сухая была. Пошёл по полянке вверх. В самом верхнем углу нашёл маленький ключик, родничок. Камень в сторону сдвинулся, и пробилась вода, всю поляну напоила. Может, я сам даже тогда этот камень ногой нечаянно спихнул. А может, мой конь копытом сдвинул. Как в сказке!

Размечтался я у ключика: вот бы ко всякой

земле такой ключик подобрать. Ключиком — раз! — и забьёт из-под земли зелёный фонтан. Распрямятся скрюченные ростки, на старых пнях поднимутся побёги. Ключиком — чик! — и зацветут разные цветы. Пусть старик с медведем собирают верхки и корешки. У бабки с внучкой репка вырастет большая-пребольшая. Такая, что тянут-потянут — вытянуть не могут. И нет уже ни у кого больше разбитого корыта и землянки. И все Золушки танцуют в хрустальных туфельках. Как в сказке!

20p-II (серия XB.)
w49

НЕСЛУХ¹

Медвѣдицы — строгіе матери, а медвежата — неслухи. Пока ещё сосут, сами сзади бѣгают, в ногах путаются.

А подрастут — беда!

Да и медвѣдицы сами со слабінкой: любят в холодке подремать. А весело ли медвежатам слушать их сонное сопение, когда кругом столько заманчивых шорохов, пískов, пѣсен!

От цветка к кусту, от куста к дереву — и забредут...

Вот такого неслуха, удравшего от матери, я однажды и встретил в лесу.

¹ Н е с л у х — непослушный.

Я сидел у ручья и макал сухарь в воду. Был я голоден, а сухарь был жесткий, потому трудился я над ним очень долго, так долго, что лесным жителям надоело ждать, пока я уйду, и они стали вылезать из своих тайников.

Вот вылезли на пенек два зверька-полчка. В камнях запищали мыши: видно, подрались. И вдруг на поляну выскочил медвежонок.

Медвежонок как медвежонок: головастый, губастый, неловкий.

Увидел медвежонок пенек, потрянул курдючком — и боком с подскоком прямо к нему. Полчки в норку, да что за беда! Медвежонок хорошо помнил, какими вкусными вещами угощала его мать у каждого такого пня. Успевай только облизываться!

Обошел мишка пенек слева — никого нет. Заглянул справа — никого. Сунул нос в щель — полчками пахнет! Вылез на пенек, поцарапал пенек лапой. Пенек как пенек.

Растерялся мишка, притих. Оглянулся кругом.

А кругом лес, густой, темный. В лесу шорохи.

Слез мишка с пня и потрусил дальше.

На пути — камень. Повеселел мишка: дело знакомое! Подсунул лапу под камень, упёрся, нажал плечом. Поддался камень, пискнули под ним испуганные мышенята.

Бросил мишка камень да обеими лапами под него. Поторопился — камень упал и придавил мишке лапу. Взвыл мишка, затряс больной лапой. Потом полизал, полизал её да и похромал дальше.

Плетётся, по сторонам больше не глазёт, под ноги смотрит. И видит — гриб.

Пуглив стал мишка. Обошёл гриб кругом. Глазами видит — гриб, можно съесть. А носом чует: плохой гриб, нельзя есть! А есть хочется, да страшно!

Рассердился мишка да как треснет по грибу здоровой лапой! Лопнул гриб. Пыль из него фонтаном жёлтая, едкая, да прямо мишке в нос.

Это был гриб-пыхтун. Зачихал мишка, закашлял. Потом протёр глаза, сел на задок и завыл тихо-тихо-нечко.

А кто услышит? Кругом лес, густой, тёмный. В лесу шорохи.

И вдруг — плюх! Лягушка!

Мишка правой лапой — лягушка влево.

Мишка левой лапой — лягушка вправо.

Нацелился мишка, рванулся вперёд и подмял лягушку под себя. Зацепил лапой, вытащил из-под брюха. Тут бы ему и съесть лягушку с аппетитом — первую свою добычу.

А ему — дурачку — только бы играть.

Повалился на спину, катается с лягушкой, сопит, взвизгивает, будто его под мышками щекочут: то подкинет лягушку, то из лапы в лапу перекинет. Играл, играл да и потерял лягушку.

Обнюхал траву кругом — нет лягушки. Так и брякнулся мишка на задок, разинул рот, чтоб зарать, да и остался с открытым ртом: из-за кустов на него глядела старая медведица.

Медвежонок очень обрадовался своей мохнатой

мамáше; уж она́-то приласка́ет его́ и лягу́шку ему́ найдёт.

Жа́лостно скуля́ и прихра́мывая, он потрусил¹ ей навстрéчу, да вдруг получи́л такую́ затрещину, что ра́зом сунулся но́сом в зéмлю.

Вот так приласка́ла!

Обозли́лся ми́шка, вски́нулся на дыбки́, рывкнул на мать. Рывкнул и о́пять покати́лся в траву́ от оплеу́хи.

Ви́дит — пло́хо де́ло! Вскочи́л, и бего́м в кусты́.

Медвэ́дица — за ним.

До́лго слы́шал я, как трещáли сучья́ и как рывкал медвежо́нок от мамáшиных затрещин.

«Ишь, как уму́ да осторо́жности его́ учи́т!» — подумал я.

Убежа́ли медвэ́ди, так меня́ и не замéтили. А впрóчем, кто их зна́ет?

Круго́м лес, густо́й, тёмный. В лесу́ шоро́хи.

Лучше уйти́ поскорéй: ружья́-то у меня́ нéту.

¹ Потрусил (потрусить) — пошёл, побежал.

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ¹

Лес густой, зелёный и полон шорохов, пískов, пёсен.

Но вот вошёл в него охотник — и мигом всё спряталось и насторожилось. Как волна от брошенного в воду камня, покати́лась от дёрева к дёреву тревога. Все за кусток, за сучок — и молчок.

Теперь хочешь увидеть — сам стань невидим; хочешь услышать — стань неслышим; хочешь понять — замри.

Я это знаю. Знаю, что из всех лесных тайничков

¹ Тайнички (тайник) — скрытые, незамётные для чужого глаза места.

следят за мной быстрые глаза, влажные¹ носы ловят бегущие от меня струйки ветра. Много кругом зверьков и птиц. А попробуй найди!

Я пришёл сюда повидать сплюшку — крохотную, со скворца, сову.

Целые ночи она, как заведённая, кричит своё «Сплю! Сплю! Сплю! Сплю!» — будто лесные часы тикают: «Тик-так! Тик-так!..»

К рассвету встанут лесные часы: сплюшка смолкает и прячется. Да так ловко прячется, будто её никогда в лесу и не было.

Голос-то сплюшки — ночные часы — кто не слышал! А вот какая она на вид? Я знал её только по картинке. И так мне захотелось увидеть её живьём, что я целый день пробродил по лесу, каждое дерево, каждую ветку осматривал, в каждый куст заглядывал. Устал. Проголодался. Но так и не нашёл её.

Сел на старый пенёк. Молчу, сижу.

И вот, глядь, откуда ни возьмись, — змейка! Седая. Плоская² головка на тонкой шее, как почка на стебельке. Выползла откуда-то и глядит мне в глаза, будто чего ждёт от меня.

Змейка — она пролаза, должна всё знать.

Я ей и говорю, как в сказке:

— Змейка, змейка, поведай мне, где спряталась сплюшка — лесные часы?

Змейка подразнила меня язычком — да юрк в траву!

¹ Влажные (влажный) — мокрые, сырые.

² Плоская (плоский) — гладкая, ровная, как доска.

И вдруг, как в сказке, открылись передо мной лесные тайнички.

Длинно-длинно прошуршала в траве змейка, показала ещё раз у другого пня и вильнула под его обомшелые¹ корни. Нырнула, а из-под них вывернулась большая зелёная ящерица с синей головой, точно кто-то вытолкнул её оттуда. Прошуршала по сухому листу — и шмыг в чью-то норку!

В норке другой тайничок. Хозяйкой там тупоморденькая мышка полёвка.

Испугалась она синеголовой ящерицы, выскочила из отнорка — из темноты на свет, — заметалась-заметалась — и шасть² под лежащую колодину!³

Поднялся под колодиной писк, возня. Там тоже оказался тайничок. Целый день спали в нём два зверька сони-полчки.

Выскочили из-под колодины сони-полчки, ошале-ли⁴ от страха. Хвосты ершом. Взвинтились по стволу. Поцокали, да вдруг опять им страшно стало — ещё выше по стволу винтом кинулись.

А выше в стволе — дупло.

Сони-полчки хотели юркнуть в него, да сшиблись у входа лбами. Пискнули от боли, кинулись опять обе сразу, да так вместе и провалились в дупло.

А оттуда — фык! — маленький дупляной чёртик! Ушки на макушке, что рожки. Глаза круглые, жел-

¹ Обомшелые (обомшелый) — обросшие мохом.

² Шасть — быстро убежала, спряталась.

³ Колодину (колода) — толстое бревно, обрубок дерева.

⁴ Ошалели (ошалеть) — поглупели, одурели.

тые. Сел на сучок спиной ко мне, а голову так завернул, что смотрит на меня в упор.

Конечно, не чёртик это, а сплюшка — ночные часы!

Я моргнуть не успел, он — раз! — и в листву.

И там завошлось, запищало: тоже, значит, кто-то тайлся.

Так от дупла к дуплу, от норки к норке, от колоды к колоде, от куста к кусту, от щели к щели шарается со страха лесная мелюзга, открывая мне свои ухороночки — тайнички.

От дерева к дереву, от куста к кусту, как волна от камня, катится по лесу тревога. И все прячутся: скок-скок за кусток, на сучок — и молчок.

Хочешь увидеть — стань невидим. Хочешь услышать — стань неслышим. Хочешь узнать — затаись¹.

¹ Затаись (затаиться) — спрячься, сиди тихо, не шевельсь.

СОДЕРЖАНИЕ

Дятел	3
Как клесты заставили белок по снегу прыгать	7
Вежливая галка	9
Фазаний букет	12
Трясогузкины письма	15
Стрижиная тайна	18
Весёлая игра	23
На неведомой дорожке	26
Весёлый городок	29
Раскладное яйцо	33
Дармоед	37
Кабаний снеговик	40
Беспонятный волк	43
Хитрущий зайчишка	46
Ключик	52
Нёслух	56
Лесные тайнички	60

Д Л Я Н А Ч А Л Ь Н О Я Ш К О Л Ы

Сладков Николай Иванович

ТРЯСОГУЗКИНЫ ПИСЬМА

Ответственный редактор *Г. Ф. Ермоленко*. Художественный редактор
Н. З. Левинская. Технический редактор *Т. М. Страхова*. Корректоры
Е. Б. Кайрукштис и *К. П. Тягельская*.

Сдано в набор 29/VI 1962 г. Подписано к печати 19/XI 1962 г. Формат 60 × 84¹/₁₆ —
4 печ. л. = 3,72 усл. печ. л. (2,49 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1962 № 768.

Цена 9 коп.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 3082.

100 =

Цена ~~9~~ коп.